

УДК 94/99.947

В.П. Андреев

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
НАЧАЛА 1920-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ОГПУ И ЧОН**

Описываются документы оперативной информации ОГПУ, которые свидетельствуют о недоверии, а порою и резко отрицательном отношении горожан в Сибири к большевистскому режиму.

Ключевые слова: *протест, ОГПУ.*

Публикация серии документальных сборников «Из истории земли томской» (Томск, 2000), из ранее секретных архивных фондов дает значительную информацию о политических процессах в Сибири и протестной активности городского населения. Немалая доля опубликованных документов представляет результаты оперативной деятельности губЧК/ГПУ, ЧОН, милиции, их спектр исключительно разнообразен, разнообразна их тематическая направленность. Они подразделяются на текущие и итоговые. Многочисленные сводки и обзоры, донесения составлялись на основе различных источников, прежде всего, на основе сведений тайных осведомителей, обмена информацией с партийными и советскими органами, а также перехвата и перлюстрации писем. Стоит лишь удивляться, как быстро была запущена эта «машина наружного и внутреннего наблюдения», налажена система сбора, обработки оперативной информации, регулярной отчетности спецслужб, ознакомления с результатами своей оперативной деятельности вышестоящих структур партийных и советских органов. Вряд ли осведомителями становились лишь по принуждению, конечно же, находилось немало и добровольных «помощников», этот «феномен» первых лет советской власти требует осмысления, но инструментария одних историков для его оценки явно недостаточно, необходимы усилия и социальных психологов

Политические настроения различных социальных групп населения, степень их лояльности к большевистскому режиму четко фиксировались в оперативной деятельности карательных органов, прежде всего ОГПУ. Недовольство сложившимися порядками, глухое брожение, как и социальные конфликты на производстве, не уходило из-под «бдительного ока» чекистов. В условиях окончания Гражданской войны, перехода к нэпу по городам и рабочим посёлкам Сибири прокатилась волна недовольства, которое однозначно квалифицировалось в 1921 г. как «контрреволюционное». Так, в информсводке дорЧК Томской железной дороги за 15 ноября 1921 г. отмечалось, что настроение рабочих и служащих в значительной мере зависит от удовлетворения их продпайком, обувью, спецодеждой. Отсутствие одежды и обуви негативно отразилось на работе транспорта – с наступлением холодов резко увеличилось число невыходов на работу. Градус недовольства резко вырос в связи с введением оплаты за пользование водопроводом и жильём. Все трудности и неурядицы повседневной жизни однозначно ставятся в вину

компартии. Кое-где рабочие почти в открытую говорили: «Коммунистам всего хватает, они сыты и одеты, называют себя защитниками рабочего класса, а о нас совершенно не заботятся, заняты только лично собой». До забастовок дело не дошло, но невыходы на работу преимущественно в службе пути ближе к зиме стали составлять от 30 до 50%. Недовольство рабочих депо и главных железнодорожных мастерских ст. Красноярск размером зарплаты привело к спонтанному взрыву – некоторые при получении денег, рвали их, бросали и говорили: «Что это за насмешка над нами, что мы можем на эти гроши купить?» [1. С. 59].

В информационной сводке идет речь о пресечении контрреволюционной деятельности эсеровских группировок в Топках, на Кольчугинской ветке, на станциях под Новониколаевском, но существо этой «контрреволюционной деятельности» не раскрывается, констатируется лишь, что они собирались и в служебных помещениях вели разговоры «антикоммунистического характера» – комментарии, как говорится, излишни. Сообщается также, что чекисты-транспортники взяли под негласное наблюдение двух эсеров на станции Нижнеудинск, в Боготоле и Красноярске начали сбор материала по лицам, ранее состоявшим во враждебных партиях, но называвших себя беспартийными.

Такого рода информация требует проверки по другим источникам, но сделать это весьма сложно, особенно если это касается так называемой контрреволюционной агитации – листовок, воззваний, порою, они готовились самими чекистами, чтобы показать, они де «не зря едят свой хлеб». Так, в железнодорожной больнице Красноярска было найдено воззвание такого содержания: «За что мы, товарищи, работаем, когда нас морят голодом, не дают одежды? Долой прохвостов-коммунистов! Да здравствует Колчак!». В Нижнеудинске в эти же дни было обнаружено воззвание: «“Боже, царя храни”». Пора нам запеть эту великую песнь Дальше нам ждать нечего ... Если не пойдёшь с нами – погибнешь. Ленин и Троцкий самозванцы, это Отрепьев и Пугачёв» [1. С. 61]. Как это часто бывает, авторство выяснить не удалось. В сводке упущена такая важная деталь – техническое выполнение воззваний. Типографский способ отпадает, машинописный – не составляет трудности для проверок в силу ограниченности числа пишущих машинок в начале 1920-х гг. Остаётся рукописный метод, но почерковый анализ широко применялся в оперативной деятельности. Остаётся предположить, что немалая часть «контрреволюционных воззваний» изготавливалась самими чекистами, но далеко не профессионально, без учёта массовых настроений и памяти населения – сибиряки в 1921 г. хорошо помнили Колчака и колчаковщину! Не было сострадания и к Николаю, о нём сейчас гораздо больше плачут, нежели в 1920-е гг.

Недовольство охватило не только железнодорожников. Информационный бюллетень губотдела ГПУ от 1 августа 1922 г. даёт представление о настроениях различных категорий населения – рабочих, служащих, интеллигенции, крестьянства. Отмечалось, что конфликты с администрацией на почве нерегулярного и недостаточного продовольственного снабжения наблюдались повсеместно, выливаясь иногда в острые формы протеста. В Яшкине в связи с невыполнением администрацией цементного завода условий кол-

лективного договора возник острый конфликт. На Кольчугинском и Шестаковском рудниках Кузбасса недовольство тарифной политикой вылилось в открытые высказывания: «Советская власть эксплуатирует рабочих. Тарифная политика профсоюзов – комедия, ибо советские органы не находят нужным с ней считаться». Новое тарифное соглашение (72% заработка продуктами, 18% – товарами, 10% деньгами) не успокоило шахтёров. Невыдача расчётных книжек на руки, медленный и неправильный подсчет зарплаты, её задержка спровоцировали конфликты и на других угольных коях, по этой причине одна из артелей на Прокопьевском руднике приостановила работу на три дня [1. С. 116–117].

Трудовой конфликт в Томском речном порту вылился в стихийную забастовку – рабочие землечерпалки на несколько дней прекратили работу, а судовая команда парохода № 245 отказалась идти в плавание и возобновила работу только под угрозой ареста. Не получая должного расчёта, грузчики также приостановили работу, в результате чего в порту скопилось до 15 неразгруженных барж. По причине неполучения продовольственного пайка вспыхнула стачка на ряде предприятий Мариинска. Конфликт был улажен лишь после частичного удовлетворения требований бастующих [1. С. 115].

Смягчало остроту продовольственного кризиса ведение личного подсобного хозяйства, на подворьях малых городов, рабочих посёлков и окраин губернских центров выращивали всевозможную живность. Взимание налога с рабочих, которые держали коров, вызвало резкое недовольство на угольных коях. Горняки открыто говорили: «Никогда ранее не брали с рабочих подати, а теперь своя власть, рабочая, установила их, государству мы должны отдать масло, а нам остаётся только запастись сено да убирать навоз!» [1. С. 116].

Брожение и недовольство интеллигенции также находили отражение в оперативных сводках и донесениях. Не уходило от «бдительного ока» специфические проявления этого недовольства. Так, в сводке от 13 января 1922 г. отмечалось, что контрреволюционная пропаганда среди томской интеллигенции выливается в поэтических формах, т.е. перефразировке стихотворений, песен, заповедей, молитв. Приводится один из таких текстов на мелодию хорошо известной песни [1. С. 69].

Ох, совсем пуста корбушка, нет ни ситца, ни парчи.
Нет ни хлебушка, ни кровушка, вздорожали все харчи.
Дайте, братцы, зелья пьяного, с горя вдребезги напьюсь.
От Володи, от Ульянова погибает наша Русь!

В сводке губотдела ГПУ от 3 марта 1922 г. отмечается, что на одном из вечеров в актовом зале Томского университета был устроен музей карикатуры на современный строй и жизнь. Чучело обезьяны поставили на стол и написали «политик», а черепахи – «современный транспорт». Поставили несколько птиц, одну из них с длинным клювом покрасили красной краской и написали: «Партийная среди пернатых». Было поставлено чучело двухголового телёнка с надписью: «Ум – хорошо, а два – лучше», намекая на Ленина и Троцкого. Были и другие чучела – карикатуры на советскую власть и современную жизнь [1. С. 82]. Легко представить, чем обернулась выставка карикатур для «шутников-организаторов»!

По мере осуществления нэпа, стабилизации хозяйственного положения снижался уровень недовольства рабочих, интеллигенции, других слоёв населения, что находило отражение в сводках оперативной информации. На крупных предприятиях были созданы так называемые экономические отделы ГПУ, которые контролировали выполнение производственных планов, не оставляли без внимания факты опозданий на работу, ухода с работы ранее положенного времени, прогулов, производственного брака и пр. ОГПУ все глубже погружалось в производственные дела, создав так называемую сеть «подсистемы страха». Не исключена её причастность к так называемому спецедействию, манипуляции им. Отрицательное отношение к старым специалистам в рабочей среде было повсеместным, но особенно широко оно распространилось в горняцких районах. Ярким фактом крайне негативного отношения к старым специалистам стал случай на шахте 9/10 в Анжерке в августе 1925 г. Группа шахтёров численностью в 50–60 человек усадила в тачку управляющего шахты Проскуракова и с гиком и свистом прокатила по улицам посёлка до здания Кузбасстреста. Сдав его управляющему трестом, мирно разошлась по домам [2. С. 55–56].

Оперативные сводки фиксировали и крайне «радикальные» призывы и высказывания: «Всех гадов, которые ходят с портфелями (или в шляпах), нужно передавить! У власти сидят евреи, они разорили Россию». «Спецедействие» в горняцкой среде во многом усиливалось по мере роста разницы в оплате труда. Средняя зарплата горняков Сибири в середине 1920-х гг. составляла 55–56 рублей, что было в три раза ниже зарплаты инженерно-технического персонала. Стремление к уравнительности, эгалитарности – традиционная черта российских рабочих, маргинализация его состава в послереволюционный период усиливала эти настроения. Практически любое обострение ситуации в стране сопровождалось ростом давления на буржуазных специалистов, которые были едва ли не самой уязвимой социальной группой. Вскоре «спецедействие» снизу сомкнулось со «спецедействием» сверху, что вылилось в так называемое «Шахтинское дело».

Контролировалось настроение достаточно широкого круга населения, в том числе и безработных. Так, в циркуляре полномочного представительства ОГПУ по Сибири начальникам губернских отделов дано указание о создании информационной сети для выявления настроений среди безработных. Отмечено, что вопрос с безработицей в Сибири принял серьёзный характер, численность безработных, по данным на 1 мая 1924 г., превысила 47849 человек, из которых 14302 безработных насчитывалось в Омской, 9114 – в Иркутской, 8012 – в Томской губерниях. Возможности ликвидации безработицы были весьма слабые, больших строительных работ в силу материальных затруднений не предвиделось. Остановка ряда промышленных предприятий, сокращение числа служащих и чистка советских учреждений увеличивали контингент безработных. Большой приток рабочих рук шел из деревни, а также за счёт демобилизованных красноармейцев.

Рост безработицы таил определённую политическую опасность – безработные весьма благоприятный объект для антисоветской агитации. На почве безысходности и невозможности для большинства безработных получить

работу отмечались случаи попыток разгрома бирж труда, требования организации общих собраний (Новониколаевск, Омск). Подчеркнуто, что организующую роль в движении безработных может сыграть безработное белое офицерство и «вычищенные» госслужащие. Была поставлена задача создания сети оперативной информации за счёт самих безработных, что сделать было сравнительно легко, учитывая их скверное материальное положение. Налаживание регулярной информации, по мысли авторов циркуляра, позволяло оперативно выявлять антисоветски настроенных лиц, пресекать разгорающиеся страсти и погромные настроения, злостных агитаторов изолировать и немедленно высылать [1. С. 355].

Конечно, многие осведомители явно тяготились выполнением своей роли «сексота», без особого рвения выполняли свои функции, были пассивны, не составляли в строго определённые сроки требуемых сведений, уклонялись от встреч с чекистами и т.д. В сообщении губотдела ОГПУ от 26 мая 1924 г. в Томский губком РКП(б) прямо называются имена неудовлетворительно работающих членов «Бюро содействия губотделу ОГПУ». Среди пассивных и неработоспособных оказались следующие товарищи: бывший губпродком Телятников, помимо невыполнения спецзаданий ОГПУ, всячески старался избегать встреч и разговоров с оперуполномоченным, а бывший губпродком Базанов расконспирировал одного из секретных сотрудников перед спецами, работниками аппарата конторы «Хлебопродукт» (легко предположить, какие кары за этот проступок последовали). Управделами губисполкома Царьков проявил себя исключительно пассивно, частично расконспирировал свою деятельность. В сообщении названы фамилии и других членов «Бюро содействия губотделу ОГПУ», пассивно выполнявших свои обязанности, уклонявшихся от встреч с оперативными работниками ГПУ. Констатируется также, что в связи с перемещениями и откомандировываниями ряда членов «Бюро содействия» связь с ними прервалась, «губотдел ОГПУ предпринимает меры по её возобновлению» [1. С. 356–357].

Хозяйственное положение в середине 1920-х гг. стабилизировалось, уровень недовольства также понизился, но агентурная сеть не сворачивалась, более того, она даже разворачивалась, в том числе и по линии ЧОН. Так, циркуляр командующего ЧОН Томской губернии от 13 сентября 1923 г. предписывал расширение работы агентпостов для организации наблюдения и контроля за деятельностью контрреволюционных партий, бандитско-кулацких организаций, настроениями крестьянской, рабочей массы, а также служащих, настроениями среди членов РКП(б) [1. С. 342]. Сохранилось достаточное количество материалов, характеризующих оперативную деятельность агентурной сети ЧОН. Так, в докладе командира роты ЧОН Судженских копей от 24 октября 1924 г. отмечалось, что политическое положение на копиях вполне устойчивое, отношение шахтёров к советской власти заметно улучшилось, они поддержали проведение чистки госучреждений, кампания прошла безболезненно, рабочие проявляют недовольство высокими ставками оплаты труда партийных, советских и профсоюзных работников [1. С. 162].

Итак, судя по материалам ГПУ, ЧОН, милиции, в начале 1920-х гг. общественное мнение очень часто было настроено против коммунистов, но

протестная активность тщательно отслеживалась и пресекалась. Многие документы оперативной информации свидетельствуют о недоверии, порою резко отрицательном отношении не только крестьян, интеллигенции, служащих, но и части рабочих к партии, большевистскому режиму. В свете этого общественная атмосфера начала 1920-х гг. выглядит иначе, чем это рисовалось в определенное время. Весьма проблематично говорить о «демократической атмосфере первых лет революции и нэпа». Документы оперативной информации свидетельствуют о создании военно-полицейского государства, с исключительной мощью репрессивного аппарата.

Литература

1. *Из истории земли томской. Народ и власть. 1921–1924*: Сборник документов и материалов. Томск, 2000.
2. *Из истории земли томской. 1925–1929*. Томск, 2000.